

ПАМЯТИ САЛЬВАТОРЕ КВАЗИМОДО

1901 — 1968

Слово о Квазимодо
и перевод стихов ЕВГЕНИЯ СОЛОНОВИЧА

Квазимодо любил жизнь. Любил темпераментно, как умеют любить южане, — во всех ее проявлениях. Это южанин, сицилиец, мог сказать:

...мужчины не умирают,
они солдаты любви и всегда стремятся к победе.

Любовь к жизни помогала Квазимодо оставаться оптимистом после трех инфарктов. Отвечая как-то на вопрос одного из журналистов, не является ли его внешняя невозмутимость невозмутимостью философа, поэт сказал: «Философия учит другим вещам — например, страху перед смертью».

Квазимодо все чаще писал о смерти, но рядом со словом «смерть» в его строках или за ними всегда билось слово «жизнь». Он хотел знать все на свете («Оттого, что чего-то не знаю, мне больно»), хотел, чтобы его глаза без конца открывали «все сначала», хотел еще долго «прислушиваться к голосу жизни», чтобы проникнуть в смысл слов, «которых так и не понял», прожив без малого шестьдесят семь лет.

Любовь к жизни сделала Сальваторе Квазимодо, поэта-герметика, антигерметиком. Любовь к жизни продиктовала ему от первого до последнего слова его гражданские стихи, направленные против фашизма, против войны. Бескорыстная любовь к Поэзии дала ему право бросить в лицо негодяю:

Доносчики не смеют писать стихи,
ты это знаешь, и пить с друзьями не смеют,
и взывать к чьему-либо сердцу.

Сальваторе Квазимодо оставил Италии свои переводы из Гомера, Софокла, Эсхила, Виргилия, Катулла, Шекспира, Мольера, Петефи, Мицкевича, Паунда, Вапцарова, Аргеши, Пабло Неруды. Он оставил Италии и другим странам, в том числе — и нашей, свои прекрасные, мужественные, честные стихи, принесшие ему в 1959 году Нобелевскую премию. Он оставил своим советским переводчикам надежду на новые встречи с его поэзией (еще многим его стихам предстоит прозвучать на русском языке), а одному из них — удивительный по точности ощущения автограф на сборнике «Фальшивая и подлинная зелень»: «...этот дневник, неизменно остающийся дневником любви, даже когда он становится гражданским, дневник итальянский, который может быть в то же время и русским».

Земля

Ночь — безмятежные тени,
воздуха колыбель, —
до меня доносится ветер, если в тебе блуждаю,
и море с ним, и запах земли,
где поют мои сицилийцы
парусам, сетям,
малышам, проснувшимся до рассвета.

Голые склоны, равнины под первой гравой,
ждушей стада и отары,
ваша боль опустошающая — во мне.

Оттого, что чего-то не знаю

Густая от черно-белых корней,
пахнет дрожжами и дождевыми червями
изрезанная водою земля.

Оттого, что чего-то не знаю,
мне больно: не хватит единственной смерти,
если вот так и ношу на сердце
тяжелый ломоть дерна.

Зеркало

И вот на стволе
раскальваются почки,
и зелень — новее травы —
ласкает сердце,
а ствол уж казался мертвым
и словно в промоину падал.

И все принимаю за чудо,
и я — та вода из тучи,
что отражает сегодня в канавах
самый синий кусочек неба,
та зелень, что в почках таилась
недавно — минувшей ночью.

Снег

Нисходит вечер, разлучая с вами,
о дорогие образы земли —
животные, деревья, бедный люд,
закутанный в солдатские шинели,
и матери, которым нечем плакать.
И, как луна, нас освещает снег
с полей. О, эти мертвые. Стучитесь
в сердца и души. Хоть бы кто-нибудь
безмолвие нарушил воплем в этом,
как саван, белом круге погребенных.

Стихи, написанные, быть может, на могильном камне

Мы здесь — вдали от всех, и снова солнце
искрится медом в волосах твоих,
и нам последняя цикада лета
и вой сирены под ломбардским небом
о том, что живы мы, напоминают.
О, выжженные ветром голоса,

чего хотите? Все еще исходит
тоска мучительная от земли.

Цвет дождя и железа

Ты говорила: молчание, одиночество, смерть,
как говорят: любовь, жизнь.
Это были промежуточные слова.
И ветер поднимался каждое утро,
и время цвета дождя и железа
проносилось над камнями,
над нашим замкнутым жужжанием проклятых.
До правды еще далеко.
Так скажи, человек, расплющенный на кресте,
и ты — с окровавленными руками,
как я отвечу на все вопросы?
Сейчас, до того как другое безмолвие
ворвется в глаза, до того как поднимется
новый ветер и снова ржа расцветет.

Эпитафия партизанам Валенцы

Этот камень —
памятник партизанам Валенцы
и тем, кто сражался на их земле,
памятник павшим в бою и расстрелянным
немцами и солдатами милиции итальянской.
Их число велико.
Здесь мы считаем их, называя
каждого ласково, поименно, —
навек юных.
Не смей проклинать их, в своей стране — чужеземец,
ты ж поклонись им, друг свободы.
Их кровь не остыла еще, но скромно
они молчат о своих делах.
Герои стали людьми — человечеству повезло.
Таковыми людьми вовеки
да не оскудеет Италия.

Я ничего не утратил

Я все еще здесь. Солнце кружит
за плечами, как ястреб, и земля
повторяет мой голос в твоём.
И возобновляется зримое время
в глазах, открывающих все сначала.
Я ничего не утратил.
Утратить — значит отправиться
за диаграмму неба
мимо течения снов, вдоль реки,
полной листьев.

В гости зову тополя

Тень моя — на другой больничной стене.
Рядом цветы, и ночами в гости
зову тополя и платаны из сада,
деревья с опавшею листвою — не желтой,
а белой почти. Ирландки-монахини
не говорят никогда о смерти,
они, как бы влекомые ветром,
не удивляются собственной молодости и доброте:
удивленье приходит во время суровой молитвы.
Мне кажется, будто я эмигрант,
бодрствующий в своих одеялах,
спокойный, и что лежу на земле.
Быть может, я всегда умираю.
Но охотно прислушиваюсь к голосу жизни,
к словам, которых так и не понял,
останавливаюсь на пространных гипотезах.
Конечно, мне никуда не деться,
останусь предан жизни и смерти
душою и телом
на всех возможных зримых маршрутах.
Время от времени меня обгоняет
что-то легкое — терпеливое время,
абсурдное безразличие, что проскальзывает
между смертью и иллюзией
сердцебиенья.

